

Юшкевич Ю. С. Источники философской рефлексии М. А. Булгакова / Ю. С. Юшкевич // Філософські пошуки. – Вип. XVII-XVIII. – Львів-Одеса : Cogito-Центр Європи, 2004. – С. 476–487.

Юшкевич Ю.С.

Источники философской рефлексии М. А. Булгакова

Михаил Афанасьевич Булгаков один из выдающихся писателей начала XX века. Он является автором таких бессмертных произведений как «Собачье сердце», «Белая гвардия», «Записки на манжетах», «Дьяволиада», «Роковые яйца» и т.д. Но самым знаменитым его произведением по праву можно назвать роман «Мастер и Маргарита», именно о нем и пойдет речь далее. Об этом интереснейшем романе, начиная с момента его издания, написано множество литературы, перечислять которую можно бесконечно. Но вы спросите, какой смысл ещё раз писать о том, что уже сказано ранее и будете абсолютно правы в том случае, если речь пойдёт о литературоведческом разборе, но нас волнует совсем другой аспект, а именно философская сторона этого произведения.

Наша задача состоит в том, чтобы показать в этой статье, какие именно философские источники: идеи определённых философов или философских направлений использует автор при создании своего романа «Мастер и Маргарита», или же у него есть своя собственная концепция, которую он создаёт, пользуясь распространёнными принципами, методами, законами и категориями философии. Конечно же, кроме указания на моменты соприкосновения идей произведения с творчеством какого-либо философа, мы обратим внимание на некоторые моменты и ситуации романа, являющиеся философски значимыми, а именно: применение Михаилом Афанасьевичем в ситуациях своего романа «Мастер и Маргарита» таких философских категорий, как добро и зло, свет и тень, доброта и свобода воли.

В связи с выше названным произведением Михаила Афанасьевича Булгакова невозможно не упомянуть таких известнейших критиков, как Ирина

Львовна Галинская, Владимир Яковлевич Лакшин, Борис Вадимович Соколов, Мариэтта Омаровна Чудакова, Лидия Ивановна Яновская. Но эти авторитетнейшие булгаковеды в своих работах занимались предпочтительно литературоведческим анализом, т.е. занимались поиском литературных источников и прототипов героев романа «Мастер и Маргарита». Что же касается философской стороны этого произведения, то уже имеющиеся критические разработки необходимо условно разделить на две части.

К первой относятся те, которые мы не собираемся рассматривать в данной статье, потому что мы её задачу сформулировали иначе ещё в её начале. Это параллели, проведённые между сковородинской «теорией трёх миров» и трехмерным построением романа «Мастер и Маргарита» – подобное сопоставление сделали И. Л. Галинская и Т. Разуменко [3;8]. Также, это применение М. А. Булгаковым концепции «троичности как первоосновы бытия» А. П. Флоренского подчёркнутое Б. В. Соколовым [7]. Влияние сковородинского видения счастья и покоя на роман М.А. Булгакова, и «теологемы вечной женственности» В. С. Соловьёва на образ Маргариты, упомянутых в работах И. Л. Галинской и Т. Разуменко [3;8]. Кроме перечисленного, это и влияние социально-политических взглядов Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова на творчество М. А. Булгакова, о котором пишет Б. В. Соколов [7].

Ко второй же части относятся именно те критические статьи, на которые мы будем опираться во время анализа данного произведения, вследствие наличия в них высказываний относительно происхождения в произведении М.А. Булгакова таких философских категорий, как добро и зло, свет и тень, доброта и свобода воли в таком виде, в каком они там присутствуют. Здесь необходимо назвать, в первую очередь, Л. Скорино и И. Виноградова, которые бесконечно спорят о гуманистической и экзистенциальной направленности романа [6]. И. Ф. Бэлзу и Н. П. Утехина, первый из которых подчёркивает влияние болгарской ереси на «Мастера и Маргариту» [2], а второй критикует это видение и подводит всё к простому притом незначительному дуализму [10].

Здесь же необходимо упомянуть И.Л. Галинскую, которая говорит о влиянии взглядов альбигойцев на творчество М. А. Булгакова [3]. Б. В. Соколова, который замечает отражение взглядов основоположников экзистенциализма Н. А. Бердяева и Л. Шестова в творчестве М. А. Булгакова [7]. А также В. Куницина, с его «римским стоицизмом» [4], Л. А. Левину, с её «кантианскими мотивами» [5] и Т. Разуменко, с её «философией Сквороды» [8]. Наличие такого количества мнений – при том достаточно противоречивых – заставляет разобраться в этом вопросе. Хотелось бы надеяться, что произведенные в данном направлении изыскания будут способствовать более глубокому пониманию проблемы взаимодействия философии и творчества писателей, в частности, творчества М. А. Булгакова.

Первыми и основными категориями, с которыми мы сталкиваемся, открывая этот роман М. А. Булгакова, являются категории добра и зла. Мы встречаем их в строках романа, в образах и поступках героев «Мастера и Маргариты». Они присутствуют в эпиграфе к роману, который является фрагментом из произведения Гёте «Фауст», где сформулирован «важный для писателя принцип взаимозависимости добра и зла» [9,с.98-99]: «...так кто ж ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» [1,с.272].

Все события в романе Булгакова разворачиваются в атмосфере взаимодействия этих двух сил, которые как бы самостоятельны, но, по сути, весьма взаимосвязаны и взаимозависимы, это отражается и на судьбах героев.

Что лучше говорит о взаимозависимости добра и зла, Бога и Сатаны, как не то, что в романе именно Воланд доказывает существование Иисуса Христа, а также Бога, поэту Бездомному и редактору Берлиозу при их встрече на Патриарших прудах. Как справедливо подметили многие критики, зло у М. А. Булгакова выполняет очищающую функцию, оно готовит место для утверждения добра. Но даже карающие действия нечистой силы дают возможность человеку проявить свою порядочность. Воланд высказывает излюбленную мысль Булгакова, которую он почерпнул в одном из Евангелий:

каждому будет дано по его вере. Читая роман «Мастер и Маргарита», мы можем сделать вывод, что ад является не плодом вмешательства запредельных тёмных сил, а лишь делом рук человеческих. Правящее миром зло происходит не от сатаны, который несёт справедливость, а от человеческой же власти. И, что ведомства Бога и дьявола противопоставляются не как Добро и Зло, а как справедливость (Воланд) и непостижимое им милосердие (Иешуа).

Сила добра появляется в романе не столь ярко и знаменательно, как сила зла, но её также можно узнать с первых строк в лице Иешуа Га-Ноцри. По его поведению, по его словам, по способам и методам, с помощью которых он действует, мы легко можем определить его истинную суть, как силу добра. В его самых первых словах было использовано слово «добро». Он называет всех добрыми людьми (даже своего палача) и видит причину зла не в нём, а в обстоятельствах, но об этом пойдёт речь в дальнейшем, когда мы будем разбирать такую категорию доброты.

Существует несколько точек зрения на определение позиции Булгакова по поводу этих категорий и источников, послуживших именно такому видению автором категорий добра и зла. Первая точка зрения принадлежит И. Ф. Бэлзе [2]. Он подробнейшим образом описывает ситуации и перечисляет строки, из которых видно влияние богомилства на нравственно-этическое построение романа, а именно на категории добра и зла, света и тени. «Центральным пунктом «болгарской ереси» является, как известно, принцип дуализма. «Ранг» булгаковского Воланда в той или иной степени определяется именно этим принципом. К учению богомилов восходит и совершенно немислимое сточки зрения ортодоксального христианства обращение Га-Ноцри с просьбой к Воланду. Болгарские народные легенды изобилуют мотивами взаимоотношений между Богом и Дьяволом, а не только противопоставления обоих противоборствующих начал» [2,с.194-195]. А знаменитую фразу сказанную Воландом Левию Матвею о свете и тени, он трактует как «предельно краткую, но отчётливую формулировку богомилского дуалистического принципа, утверждающего изначальность добра и зла, света и тени» [2,с.195].

Эту точку зрения достаточно успешно критикует Н. П. Утехин [10]. Он подчёркивает то, что принцип дуализма свойственен не только болгарской ереси, но и зороастризму, евтихианству, манихейству, павликианству и, частично, средневековому христианству [10,с.105-109]. Действительно, ведь согласно зороастризму всё сущее делится на два противоположных лагеря – мир света и добра, царство тьмы и зла. Между этими двумя противоположностями идёт извечная борьба, составляющая основу мирового процесса как на земле, так и вне её, в мире богов. В гимнах «Авесты» люди призывались быть доброжелательными, сдержанными в помыслах и страстях, готовыми жить в мире и дружбе, помогать ближнему своему. Честность и верность восхвалялись, воровство, злословие и, преступление, естественно, осуждались. Можно сказать, что основной идеей этических взглядов Зороастра было то, что истина и добро, также как страдание и зло, зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами собственной судьбы. Разве не близка эта концепция взглядам Михаила Афанасьевича? А манихейство, которое признаёт два безусловно самостоятельных первоначала, неизменных в своем существе и образующих два отдельные мира: добра и зла, света и тьмы. Таким образом, возможно сказать, что философская концепция М. А. Булгакова носит не столь конкретный богомильский, но в целом, гностический характер с присущим ему дуализмом.

Если же мы попытаемся взглянуть на категории добра и зла с другой стороны, также воспользовавшись подсказкой Н.П. Утехина [10,с.108], то сможем предположить, что в романе «Мастер и Маргарита» показана всего лишь естественная характеристика категорий добра и зла, которым свойственна диалектика и неразрывная связь. Добро становится значительным в сравнении со злом и утверждается в противопоставлении ему. Добро и зло являют собой единство противоположностей, что предопределяет постоянную борьбу между ними, это способ их существования, и эта борьба не может быть завершена победой одной из сторон. Ведь, что значат слова Воланда «что бы делало твоё

добро, если бы не существовало зла» – если бы добро победило зло, то само добро породило бы его снова (не будь зла, мы меньшее добро назвали б им).

Вслед за категориями добра и зла необходимо обратить внимание на уже упомянутые выше и сходные с ними категории света и тени, которые мы также можем часто встретить на страницах «Мастера и Маргариты».

Во-первых, хотелось бы вспомнить строки, неоднократно упомянутые нами ранее, в которых чётко можно увидеть употребление категорий света и тени, это слова Воланда, обращённые к Левию Матвею. «Ты произнёс свои слова так, как будто ты не признаёшь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп» [1,с.632]. Левий Матвей не признаёт полутонов и теней, для него существуют лишь свет и тьма. Воланд очень хорошо подмечает эту ограниченность Левия Матвея. Властелин тьмы убеждён, что в реальности такая чистая чёрно-белая гамма встречается крайне редко, но Левий Матвей, превративший учение Иешуа в догму, не в силах осознать этого. Сатана – единственный носитель чувства меры, он словно бы пытается вправить выбитую ось мира, внушить людям чувство равновесия света и тьмы. Согласно Евангелиям, добро вскоре окончательно победит зло, в итоге, будет одно «ведомство» света – без теней. В этом суть возражения Сатаны, ведь он убеждён в вечном присутствии зла.

Этот момент ещё раз подтверждает перечисленные нами ранее предположения о гностической направленности мысли Михаила Афанасьевича Булгакова или выражает подчёркнутые автором естественные характеристики этих категорий.

Во-вторых, необходимо назвать тёмно-фиолетового рыцаря (он же Коровьев, он же Фагот) и его каламбур по поводу света и тени. « – Рыцарь этот

когда-то неудачно пошутил, его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счёты. Рыцарь свой счёт оплатил и закрыл!» [1,с.651-652]. Какой именно каламбур сочинил тёмно-фиолетовый рыцарь, на страницах романа не уточнено и нам остаётся лишь догадываться об этом, но по этому поводу существуют некоторые предположения. Например, по мнению И. Л. Галинской, тёмно-фиолетовый рыцарь у Булгакова может вести своё происхождение от царей-трубадуров времён альбигойства. Следовательно, каламбур Коровьева-Фагота может быть отрывком из «Песни об альбигойском крестовом походе» и выглядеть следующим образом: «Из тьмы сотворился свет» [3,С.102]. Другим вариантом этого же каламбура является найденная Л. М. Яновской запись в черновой тетради романа, датированной 1933 годом, которая гласит: «Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот» [11,с.121-122]. Вполне возможно, что это набросок так дорого обошедшейся шутки Коровьева о свете и тьме, которую Булгаков решил не включать в текст своего произведения.

Как мы видим, эти два варианта частично совпадают один с другим. Согласно предположению И. Л. Галинской на творчество писателя оказали влияние альбигойские догматы, что ещё раз должно укрепить нас в мысли о гностической направленности морально-этической концепции Булгакова. Ведь, сторонники этого направления явились еще в начале XI-го столетия и вообще считались преемниками манихеев, о взглядах которых мы рассказывали ранее. Согласно альбигойским догматам, тьма – это область, которая совершенно отделена от света и, следовательно, свет никак не может сотвориться из тьмы, как бог света не может сотвориться из князя тьмы. Что касается второго варианта, который принадлежит Л. М. Яновской, то согласно манихейству, упомянутому только что альбигойству, и, в целом, гностицизму, мир света и тени действительно не могут быть созданы один другим, т.к. это два, безусловно, самостоятельных первоначала, от века неизменных в своем

существо и образующих два отдельные мира. Именно поэтому, по содержанию оба варианта каламбура в равной степени не могут устраивать ни силы света, ни силы тьмы, согласно гностической традиции, за что и был наказан тёмно-фиолетовый рыцарь, ведь такую шутку действительно можно назвать неудачной.

В своей работе «Мастер и Маргарита» Булгаков не только наталкивает нас на проблему добра и зла, но и прямо говорит об этом. Он даже выделяет категорию доброты, как свойство какого-либо человека. Самым ярким персонажем, в этом случае, нужно назвать Иешуа Га-Ноцри. В первых же своих словах он употребляет понятие доброты: «Человек со связанными руками несколько подался вперёд и начал говорить:

– Добрый человек! Поверь мне...» [1,с.286].

Он считает добрыми и тех людей, которые свидетельствовали против него, и Понтия Пилата, который прикажет казнить его, и Марка Крысобоя, который ударил его бичом и даже Иуду из Кириафа. Здесь, как справедливо замечает В. Куницын можно провести параллели между образом Иешуа и взглядами киников, которые считали, что они должны терпеливо ждать окончания издевательств над ними и при этом должны любить тех, кто их бьёт, т.к. все люди братья [4,с.94].

«– А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слово «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

– Всех, – ответил арестант, – злых людей нет на свете» [1,с.293].

Иешуа Га-Ноцри сам добрый человек и всепрощающий, который считает, что во всех окружающих его людях добро перевешивает зло, и только в силу жизненных обстоятельств они кажутся иными. Здесь мы можем согласиться с мнением Л. А. Левиной, которая подчёркивает, что булгаковское видение изначальности добра в человеке перекликается с позицией И. Канта. Ведь Кант считает, что в каждом человеке есть «задатки добра» и «склонность ко злу», таким образом доброта в человеке изначальна, а вот зло случайно [5,с.15]. А также, с Т. Разуменко которая видит в этом философские взгляды

Г. С. Сковороды, по мнению которого человеческое сердце и разум никак не могут желать зла другим [8,с.49]. В отличие от предыдущих точек зрения, Б. В. Соколов как раз считает, что Булгаков отрицает, например, толстовскую идею «заражения добром». Проявляется это в том, что Понтий Пилат выслушав проповедь Иешуа о том, что все люди добрые, а злых людей нет на свете, начинает творить добро злыми средствами, и организует убийство погубившего Иешуа Иуды. И именно этим булгаковская точка зрения перекликается с мнением одного из основоположников экзистенциализма Н. А. Бердяева [7]. Но, позвольте, ведь Булгаков чётко показал, что никаких положительных изменений за этим не последовало, и Иешуа как был казнённым, так и остался им, а Пилат промучался двенадцать тысяч лун в небытии от угрызений совести. На том же основании Б. В. Соколов проводит параллели между взглядами другого основателя экзистенциализма Л. Шестова и М. А. Булгакова. Он говорит всё о том же преступлении Понтия Пилата, но добавляет сюда ещё и Левия Матвея, который, не смотря на благотворное влияние Иешуа, собирался убить ненавистного ему Иуду [7]. Здесь Булгаков также на страницах своего романа заранее дал опровержение таким заявлениям. Михаил Афанасьевич специально подчеркнул то, что Левий Матвей был плохим учеником: «Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал» [1,с.288]. Он просто не смог понять всю глубину слов Иешуа.

По мнению Л. Скорино, весь роман Булгакова пропитан «гуманизмом без границ», «гуманизмом всепрощения который уже не только стирает всякие грани между Добром и Злом, но и смешивает сливает эти понятия» [6,с.33]. По её мнению, Иешуа также как и Мастер, ставит проповедь, гуманизм самоотречения и всепрощения выше всякого Дела, она подчёркивает непохожесть булгаковского Иешуа с Иисусом в евангельском сюжете, именно этой бездеятельностью. В этом с ней не соглашается А. Виноградов, у которого

Иешуа активно совершает добро, а Мастер не хочет действовать и становится пассивным, за что и не заслуживает света, а заслуживает так необходимый ему покой. Основной идеей М. А. Булгакова, по мнению А. Виноградова является активная роль добра, а не пассивность. «Быть верным добру, истине, справедливости – это не только не делать зла. Не только не предавать добро, что бы тебе не грозило. Быть верным добру – это значит служить ему, творить его, сеять его вокруг – без устали, до предела сил и жизни» [6,с.68-69].

В противовес гуманистической направленности романа «Мастер и Маргарита» А. Виноградов предполагает экзистенциальную окраску этого романа. Он пишет о том, что «некий важный М. Булгакову безусловный нравственный императив» в какой-то степени, по смыслу близок философии экзистенциализма тем, что человек должен придерживаться своей личной нравственной позиции, следовать своему нравственному долгу, он должен быть верен самому себе. Но сам же далее и отрицает это. Он считает, что нравственная позиция М. А. Булгакова отличается от философии экзистенциализма тем, что человек верен не только своим нравственным принципам истины, добра и справедливости, а принципам, которые в то же время являются и объективно обоснованными нравственными ценностями. Кроме того, А. Виноградов видит отличие философской концепции М. А. Булгакова от экзистенциализма в той активной роли человека по насаждению добра, о которой мы сказали ранее. «Зло, заключённое в той или иной конкретной ситуации, в которой находится человек, требует изменения и самой этой ситуации. И в этом – тоже существеннейшее отличие булгаковской позиции от экзистенциализма, где «кризисная ситуация», в которую «заброшены люди», представляет собой лишь некую пассивную принимаемую им данность, бросающую вызов исключительно их личному нравственному стоицизму, но не их гражданской, общественной активности» [6,с.74].

Согласиться с А. Виноградовым для нас было бы достаточно привлекательным, ведь тогда мы увидим ещё одно совпадение всё с тем же зороастризмом, в котором истина и добро, как мы уже говорили ранее, также

как страдание и зло, зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами собственной судьбы. Но нам кажется, что активная роль добра, достижение благой цели морально-оправданными средствами не чуждо и гуманизму, воспетому в статье Л. Скорино.

Читая и анализируя «Мастера и Маргариту», мы можем увидеть, что в ряду прочих философских проблем и категорий одной из самых важных Булгакову представляется проблема свободы и несвободы человеческой личности. Эта проблема ярко выражена в «древнейших главах» романа, читая которые, мы можем самостоятельно дать оценку поступкам Понтия Пилата.

Как мы знаем из сюжета романа, служебные обязанности Понтия Пилата свели его с обвиняемым из Галилеи Иешуа Га-Ноцри. В ходе беседы с Иешуа Пилат увидел его невиновность и сначала принял решение не утверждать смертный приговор. С одной стороны, он знает, что после казни Иешуа не найдется человека, который смог бы с такой легкостью снять приступ его головной боли, с другой стороны, он понял, что только с этим бродячим философом можно было бы с такой свободой и взаимопониманием беседовать о вопросах философских и отвлеченных. «Все та же непонятная тоска ... пронизала его существо. Он тотчас постарался ее объяснить и объяснение было странное: показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, что-то не дослушал» [1,с.365]. Но позднее он не в состоянии преодолеть страх перед доносом Каифы, он обязан утвердить смертный приговор: ведь Иешуа посмел оскорбительно говорить о власти кесаря. Всесильный римский прокуратор Понтий Пилат вынужден подчиниться обстоятельствам, согласиться с решением иудейского первосвященника, послать на казнь Иешуа. Страх прокуратора не беспричинен: ведь из-за снисходительности к Иешуа он может, как минимум, потерять свою должность: «Неужели, вы при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи» [1,с.590], а то погубит и жизнь: «ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О

боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твоё место?» [1,с.298]. Булгаков испытывает Пилата поступком, требующим свободного волеизъявления. Но существует зависимость действий людей, в том числе и Понтия Пилата, от обстоятельств жизни. Ведь Понтий Пилат крупнейший чиновник, умный и волевой - не ничтожество, но и не талантливый человек, не творец. Именно в связи с данной проблемой можно обратиться к точке зрения А. Виноградова на видение М. А. Булгаковым свободы воли. По его мнению, отличие булгаковского «категорического нравственного императива» от иных взглядов в том, что проблема «вины» и «ответственности» рассматривается им не только в сфере «внутренней» нравственности человека, но и не отрицает «виновности» обстоятельств, толкавших его к этому, хотя это и не снимает с него ответственности за содеянное [6,с.73]. Из этого мы можем сделать вывод, что позиция Булгакова не относится не к этическому фатализму, не к этическому валюнтаризму, первый из которых ставит человека в полную фатальную зависимость от обстоятельств, что снимает с него какую-либо ответственность за совершённые им действия, а второй, отрицает какую либо необходимость, проявление которой мы так явственно можем увидеть на страницах романа. И в этом случае, мы можем согласиться с позицией Л. А. Левиной, которая сопоставляет, как нами уже говорилось ранее, взгляды М. А. Булгакова и И. Канта [5,с.15]. Ведь Кант также считал, что, несмотря на природную необходимость, сознание нашей моральной свободы налагает на нас бремя ответственности.

Пилат, в надежде как-то искупить свою вину, посылает человека по следу Иуды, но новая смерть не снимает бремени с совести прокуратора, Иешуа оказался прав. Не новое убийство, а глубокое искреннее раскаяние в содеянном, в конце концов, приносит Пилату прощение. Принимая решение и отрещиваясь, таким образом, от бесконечных внутренних вопросов, Пилат ввергается в пучину злодеяний. Булгаков беспощаден к своему герою: он жестоко заставляет его пройти преступный путь до конца. Пилат стремится перед самим собой смягчить свою вину или перенести ее вовне. «Ему ясно

было, что сегодня днём он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Обман же самого себя заключался в том, что прокуратор старался внушить себе, что действия эти, теперешние, вечерние, не менее важны, чем утренний приговор. Но это очень плохо удавалось прокуратору» [1,с.580]. Здесь мы можем согласиться с критиком, который в связи с поднимаемым вопросом о свободе воли в булгаковском романе, привёл слова Сенеки, чем подчеркнул, что идеи так близкие сердцу Булгакова происходят ещё от римского стоицизма, о котором мы упоминали ранее. А слова эти таковы: «Не лучше ли забывать обиды, чем мстить за них?... Не лучше ли прощать обиды, чем усугублять одно зло другим?... Сколько мог бы ты принести добра и своим родным, и близким, и родине, если бы занялся ими, вместо того, чтобы изыскивать средства, как бы причинить зло твоим врагам» [4,с.94].

Раскаянием и страданиями Пилат искупает свою вину и получает прощение. Именно этим и отличается позиция М. А. Булгакова от кантианской. «Оно (*милосердие*) начинает звучать у него (*Булгакова*) лишь там, где есть искупление вины действительным страданием, раскаянием и прозрением человека, освобождающегося в этом страдании и прозрении для новой жизни» [6,с.72].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что Булгаков не использует при написании своего романа «Мастер и Маргарита» философские идеи какого-либо определённого философа, а строит свою собственную философскую концепцию, которая имеет в какой-то степени гуманистическую и гностическую окраску, которой не чужды взгляды Канта, Сковороды и даже римского стоицизма. Но ведь за это нельзя упрекнуть великого писателя. Ведь вряд ли найдутся слова ещё не сказанные ранее и очень тяжело не повториться. Именно поэтому нельзя требовать, чтоб творческая личность не пересекалась при написании своих произведений с мировым наследием философии, но в тоже время это не отрицает её индивидуальности и непохожести её концепции на другие, написанные ранее.

Список литературы:

1. Булгаков М. А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / Предисл. В. И. Сахарова. – К.: Молодь, 1989. – 672 с.
2. Бэлза И. Ф. Генеалогия Мастера и Маргариты // Контекст 1978. – С.156-249
3. Галинская И. Л. Загадки известных книг: О Д. Сэлинджере и М. Булгакове. – М.: Наука, 1986. – 124 с.
4. Куницын В. Свет и покой мастера Михаила Булгакова // Сов. лит. – 1990. - №6. – С.92-99.
5. Левина Л. А. Нравственный смысл кантианских мотивов в философском романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. – 1991. - №1. – С.12-23.
6. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. [О худож. своеобразии и философии романа. С примеч. ред. статьи]: Л. Скорино. Лица без карнавальных масок – И. Виноградов. Завещание мастера. – Л. Скорино. ответ оппоненту. // Вопросы литературы, 1968, №6, с.24-81.
7. По материалам сайта www.bulgakov.ru, созданного на основе книги: Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. Миф, 2000 г. – 588 с.
8. Разуменко Т. Философия Г. С. Сковороды и её отражение в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Всесвіт літ. та культ. в навч. закл. України – 2000 – №2 – С.48-51.
9. Соколов Б. В. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита»: Очерки творческой истории. – М.: Наука, 1991. – 176 с.
10. Утехин Н. П. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: Об источниках действительных и мнимых – Рус. лит. – 1979 – №4 – С.89-109.
11. Яновская Л. М. Треугольник Воланда: К истории романа «Мастер и Маргарита». – Киев: Либідь, 1992. – 189 с.